

КОНЦЕПЦИЯ «РЕВОЛЮЦИИ СИМВОЛОВ» ЖАКА КОВЕНА ДВАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

Т. В. Корниенко

Воронежский государственный педагогический университет

Поступила в редакцию 5 октября 2014 г.

Аннотация: статья посвящена 20-летию юбилею с момента первого издания книги: *Cauvin J. Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique* (Paris, 1994), ставшей знаменательной вехой в изучении вопросов неолитизации на территории Ближнего Востока, исследовании когнитивной эволюции *Homo sapiens*, социального развития человеческих сообществ и моделей коммуникативного процесса.

Ключевые слова: Жак Ковен, «революция символов», Плодородный полумесяц, процесс неолитизации, информационные и коммуникативные системы, культурная память.

Abstract: the article is dedicated to 20th anniversary since the first edition of the monograph «*Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. Révolution des symboles au Néolithique*» by Jacques Cauvin (Paris, 1994). The book became a landmark work in the study of the neolithisation process in the Near East, the study of human cognitive evolution, social development of human communities and models of the communication process.

Key words: Jacques Cauvin, «*Revolution of the Symbols*», Fertile Crescent, neolithisation process, information and communication systems, cultural memory.

Революция символов – термин, введенный в научный оборот в конце XX в. выдающимся представителем лионской школы археологии и ближневосточной доистории Жаком Ковеном (1930–2001). На сегодняшний день это понятие остается остро востребованным в контексте рассмотрения ключевых вопросов становления неолитического образа жизни в переднеазиатском регионе и весьма актуально в глобальных разработках эволюционных антропологических теорий. В форме единой концепции оно было представлено в знаменитой книге ученого «Рождение божеств. Рождение земледелия. Революция символов в эпоху неолита», впервые изданной на французском языке в 1994 г. [1]. На английском языке в переводе Тренора Уоткинса работа появилась в 2000 г. [2]. В научной среде выход монографии имел широкий резонанс, в том числе в 1995 г. в России на нее отзывается рецензией В. М. Массон [3].

Изменениям в мышлении человека и в общественном сознании (что археологически фиксируется появлением многочисленных символически оформленных объектов различных категорий) как двигателя процесса неолитизации Ж. Ковен отводит не меньшее значение, чем изменениям окружающей среды. Имея большой опыт работы с эпипалеолитическими и раннеолитическими памятниками Леванта, он считал, что рассмотрение обширной зоны Плодородного полумесяца (рисунок) как региона формирования древнейших земледельческих

культур нуждается в корректировке с переносом основного внимания на Восточное Средиземноморье. Здесь ученый выделяет особую фазу Хиама (10 000–9500 гг. до н. э.), которая является переходной от Натуфа к докерамическому неолиту Иерихона А. В поселении Мурейбит, раскопки которого в 1971–1974 гг. осуществлялись под руководством Ж. Ковена, к этой фазе относятся слои Мурейбит IV и Мурейбит II. В хиамский период появляются женские статуэтки, сделанные из камня и обожженной глины, фиксируется сложение традиции размещения рогов и других останков быка в основаниях стен или под полами построек. Данная символическая линия будет продолжена в эпоху неолита и наиболее выразительно проявит себя в домашних святилищах Чатал-Хююка с крупными фигурами женского божества, изображением на фресках тавромахии, различными вариантами букраний. Ж. Ковен делает вывод о появлении с хиамского времени новой символики и зарождении новой религии. Культ Великой Богини и Быка, начиная с хиамского времени, через эпоху докерамического неолита, культуры Чатал-Хююк-Хаджилар, халафскую, самаррскую, убейдскую и сузианскую, прослеживается вплоть до становления древневосточных и эгейской цивилизаций. Левант, Месопотамию и Малую Азию, позже Крит, Иран, Среднюю Азию и Кавказ можно определять как области его регионального распространения.

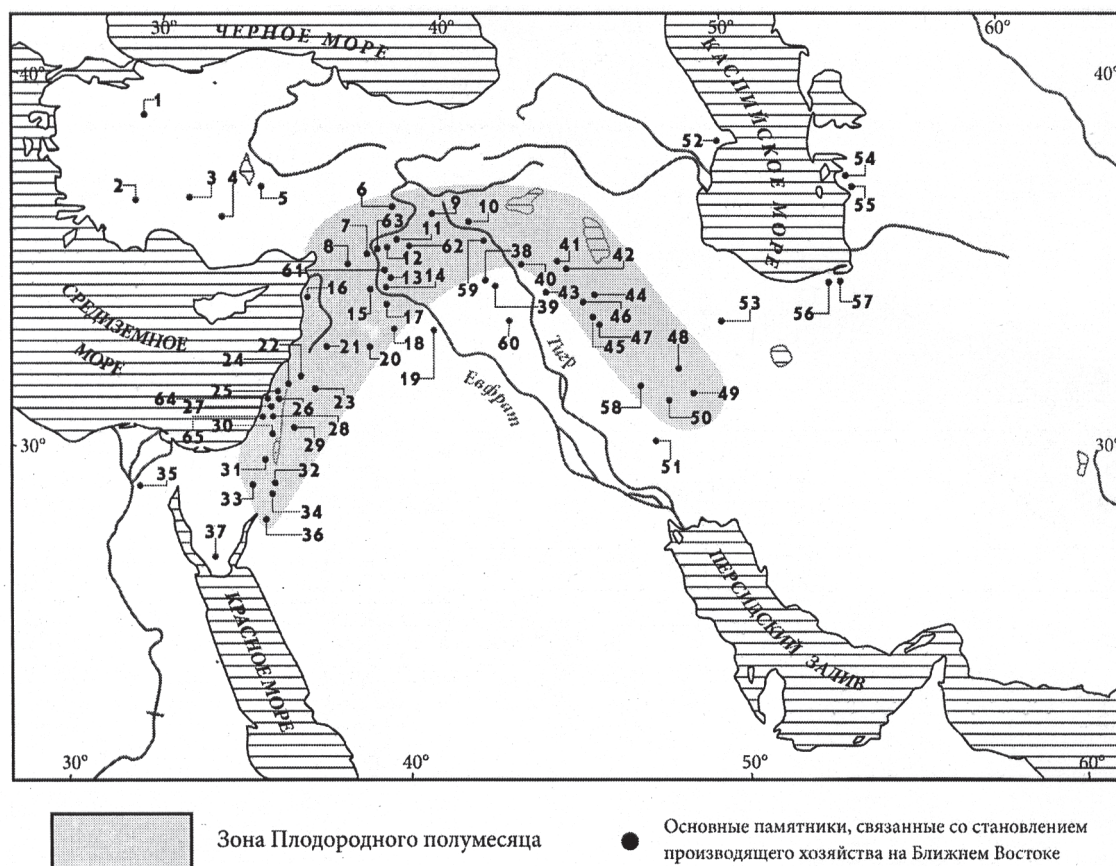

Рисунок. Карта Ближнего Востока эпохи раннего неолита:

1 – Демирчи; 2 – Хаджилар; 3 – Эрабаба; 4 – Чатал-Хуюк; 5 – Ашикли-Хуюк; 6 – Кафер; 7 – Телль Абр; 8 – Кармель; 9 – Чайно; 10 – Халлан Чеми; 11 – Невали Чори; 12 – Сёгюттарласи; 13 – Шейх-Хасан; 14 – Мурейбит; 15 – Нахр-Хомр; 16 – Рас Шамра; 17 – Абу Хурейра; 18 – Телль эль-Коум; 19 – Букрас; 20 – Пальмира; 21 – Ябруд; 22 – Телль Рамад; 23 – Телль Асвад; 24 – Айн-Малаха; 25 – Хайоним; 26 – Бейсамун; 27 – Нахаль-Орен; 28 – Кебара; 29 – Айн Гхасал; 30 – Иерихон; 31 – Нахаль-Хемар; 32 – Баста; 33 – Кошзин; 34 – Бейда; 35 – Хелаун; 36 – Вади-Рум; 37 – Веди-Рум; 38 – Магзалия; 39 – Телль Сотто; 40 – Немрик; 41 – Зеви-Чеми; 42 – Шанидар; 43 – М'Лефаат; 44 – Зарзи; 45 – Джармо; 46 – Телль-Шимшара; 47 – Карим-Шахир; 48 – Гандж Даре; 49 – Па-Сангар; 50 – Гуран; 51 – Али Кош (Буз Мордех); 52 – Кобистан; 53 – Загхе; 54 – Джебель; 55 – Дамдам-Чешме; 56 – Али Тапе; 57 – Хоту; 58 – Чога Голан; 59 – Кёртык Тепе; 60 – Гермез-Дере; 61 – Жерф эль-Ахмар; 62 – Гёбекли Тепе; 63 – Джада; 64 – Ифтахель; 65 – Кфар Хахореш

Известные в истории культуры верхнепалеолитическая скульптура со стойбищ Сибири и верхнепалеолитические статуэтки костенковско-виллендорфского круга, появившиеся в условиях интеллектуального всплеска приледниковой Европы, не получили своего художественного или семантического продолжения, а в условиях Ближнего Востока вообще отсутствовали [там же, с. 238]. Неолитическая пластика Передней Азии, будучи инновацией своей эпохи, по мнению Ж. Ковена, имеет как минимум два существенных отличия по сравнению с верхнепалеолитической скульптурой. Последняя характеризуется отсутствием прорисовки деталей лица. Статуэтки Ближнего Востока уже с самого начала изображаются, как правило, с проработанным лицом, на некоторых со временем особенно подчеркиваются глаза как функция всевидящего персонажа. Таким образом, по замечанию Ж. Ковена, происходит гуманизация искусства [1, р. 101]. Другая отличительная черта первых женских статуэток Ближнего Востока – поза:

руки ряда статуэток сложены под грудью, подчеркивая данный символ женственности и материнства. Этот иконографический образ будет повторен в десятках вариаций скульпторами и художниками раннеземледельческих культур и древних цивилизаций Передней Азии. Уже в Мурейбите этот жест придан фигуркам как из камня, так и из обожженной глины. Ж. Ковен считает, что именно с этого времени начинает формироваться устойчивый статуэттарный тип, который большинство исследователей трактует как образ женского божества – Матери Богини или Великой Богини [Ibid., p. 144].

Поскольку, как отмечает Ж. Ковен, в слоях комплексов Хиама еще нет зерен злаков с морфологическими признаками доместикации, то можно заключить, что перемены в идеологии начинаются раньше перемен экономических (формирование первых земледельческих общин определяется им докерамическим неолитом Иерихона А), и в данном случае не идеи следуют за практикой, как писал К. Маркс, а идеи

опережают практику [Ibid., p. 277]. Ж. Ковен последовательно описывает развитие идеологических представлений на разных этапах эпохи неолита, ставит вопрос о времени и обстоятельствах замены зооморфного образа мужского персонажа на антропоморфный. На этапе докерамического неолита Б, по мнению ученого, археологический комплекс Иерихона получает распространение на значительной территории, в том числе в Восточной Анатолии и на юге Леванта, начинается процесс «неолитической диффузии», который предполагает различные виды диффузии, но в первую очередь расселение самих ранне-неолитических общин. На Среднем Евфрате, как считал Ж. Ковен, местные элементы сыграли определенную роль в формировании нового археологического комплекса. Распространение в Восточной Анатолии земледельческой культуры автор рассматривает как вторичную [Ibid., p. 163] или экономическую [Ibid., p. 124] неолитизацию за счет передвижения общин из района среднего Евфрата [Ibid., p. 125]. Допускается, что могло быть ассимилировано редкое население местных охотников-собираателей. В южной части Леванта, где, по материалам Бейды, после натуфийского освоения фиксируется определенный перерыв, по предположению Ж. Ковена, идет прямое расселение раннеземледельческих общин комплекса докерамического Иерихона Б в запустевшие районы [Ibid., p. 163–164].

К настоящему времени некоторые из положений концепции Ж. Ковена уточнены, другие оспариваются, однако основные ее тезисы находят свое подтверждение в новых материалах и разработках. В частности, левантоцентристская гипотеза Ж. Ковена в отношении распространения неолитического образа жизни на Ближнем Востоке вызывает серьезные сомнения в связи с результатами продолжающихся сейчас исследований Северо-Западного Ирана и особенно Юго-Восточной Турции [4; 5, с. 20–21; 6]. Исследования трасологов [7] и палеоботаников [8; 9] фиксируют следы ранних этапов процесса доместикации уже в натуфийской и сопоставимых с ней других эппалеолитических культурах различных областей зоны Плодородного полумесяца (включая центральную и восточную), которые функционировали еще до Хиамского периода. Тезис о доминировании женских изображений среди антропоморфов эппалеолита и раннего неолита совсем не однозначен в применении к материалам различных областей Передней Азии. Так, доминирование зоо- и антропоморфных мужских образов и символов над антропоморфными женскими отличает Северомесопотамский регион от Сиро-Палестинского эпохи становления производящего хозяйства. В отношении функционального назначения использования этих образов как аккумуляторов всеобщей производительной силы разночтений не возникает. Интересно сочетание дан-

ных символов жизни с культом предков и образами смерти [10], проявление других черт лиминальности, запечатленных в символических объектах переходного времени.

Так называемые «палочки с насечками», известные по раскопкам Халлан Чеми, памятника времени раннего докерамического неолита; древнейшие печати и их оттиски из ряда ранне-неолитических поселений (Букрас, Рас Шамры, Кёртык Тепе, Телль эль-Коума II и пр.); а также «фишки» в виде различных тригонометрических фигур (Чайоню, Айн Гхасал, Иерихон, Бейсамун, Бейда, Немрик, Гандж Даре, Магзалия и пр.) свидетельствуют о функционировании в эпоху раннего неолита различных систем учета и контроля, использующих для своих целей символы [5, с. 30–31, 75; 11, s. 41–48, tab. 1–40; 12, p. 28–29]. В вышедшей в 1992 г. монографии Д. Шмандт-Бессера доказательно проводится мысль о том, что шумерское письмо постепенно сформировалось из счетной системы, ранними знаками которой служили так называемые фишки/«tokens», использовавшиеся на Ближнем Востоке еще с эпохи докерамического неолита для учета предметов отдельных категорий [13]. Другими (необязательно альтернативными) источниками соответствующих идей, вероятно, были знаки и изображения на печатях, каменных сосудах, мегалитических стелах, поперечно-желобчатых изделиях – по меткому определению К. Шмидта, так называемые «неолитические иероглифы», выразительно и в большом количестве представленные в материалах ранне-неолитических поселений зоны Плодородного полумесяца [14, с. 173–184, 216–221].

Прежде всего, на территории Леванта и Юго-Восточной Турции, которые по политическим причинам исследованы намного лучше, чем центральная и восточная части Плодородного полумесяца, в эпоху перехода от эппалеолита к раннему неолиту фиксируются многочисленные и выразительные свидетельства символического содержания различных категорий. Среди них общественные сооружения культового назначения; моделированные с использованием глины, извести, красок, гипса и ракушек, выставленные в специальных местах человеческие черепа; крупномасштабная антропо- и зооморфная каменная скульптура; монолитные, часто Т-образные, оформленные в геральдическом или натуралистичном стиле рельефами антропо- и зооморфного содержания известняковые стелы; антропо- и зооморфные статуэтки; каменные полномасштабные маски, изображающие лицо человека, и их миниатюры; тайники (или ритуальные групповые «захоронения») человеческих черепов, а также выполненных в человеческий рост, сделанных из камыша, извести и гипса антропоморфных фигур, одно- и двухголовых бюстов; и др.

Большинство современных исследователей отмечает на этапе перехода к неолитическому образу

жизни формирование особого культурного пространства в зоне Плодородного полумесяца; для конкретных ее областей определяются региональные характеристики. Из последних изданий, посвященных исключительно символическим объектам ключевых памятников зоны Плодородного полумесяца, можно назвать, например, монографии по Гёбекли Тепе [там же] и Айн Гхасал [15]. Активно продолжают выходить работы, анализирующие различные проявления материального оформления обрядовой деятельности и социальной коммуникации посредством символов пред- и раннеэнеолитических поселений Юго-Западной Азии [5; 16–20 и др.]. Подобные исследования продолжают работу в направлении, где прорыв был сделан в 1960–1990-е гг. трудами Ж. Ковена и его коллег.

Концепция «революции символов», основанная на конкретных, определенных во времени и пространстве материалах переломной в истории человечества эпохи, соприкасается, помимо узкоспециальных археологических исследований, с активно разрабатываемыми сейчас теориями культурной памяти, эволюции информационно-коммуникативных систем, коллективного сознания и социальных структур. За последнюю четверть века больше внимания стали уделять эволюции человеческого мозга, особенностям и этапам в развитии интеллектуальной деятельности человеческих сообществ. Быстрыми темпами развиваются исследования в области когнитивной эволюции гоминин [21–24]. В центре эволюционных теорий познания и развития умственной деятельности лежит утверждение, что эволюция человеческого познания тесно связана с эволюцией человеческих сообществ и моделей коммуникативного процесса [25], о чем свидетельствуют, в частности, работы по эволюции языка [26; 27], эволюции «общественного интеллекта» / «social brain» в терминологии Робина Данбара [28].

Тревор Уоткинс, говоря о развитии культуры и познавательных способностей человека, подчеркивает резкое отличие уровня развития символической репрезентации и символического поведения человека в Юго-Западной Азии эпохи раннего неолита от уровня эпох предшествующего времени: в неолите представлено не просто большее количество однородных атрибутов верхнепалеолитического периода, а качественно иная ситуация. В нескольких своих работах он отмечает, что основные характеристики современных свойств человеческого познания и культуры (гибкость ума, способность к освоению систем символической репрезентации, представление их в информационных средствах материальной культуры, контекстно обусловленное или распределенное мышление) уже существовали 12 000 лет назад, в начале эпохи неолита. Ранее, в том числе в эпоху верхнего палеолита, их наличие было весьма ограниченным.

Рассматриваемые характеристики столь мощно эволюционировали по той причине, что были остро необходимы для построения новых крупных корезидентных сообществ, которые начинают функционировать именно в периоды эппалеолита и раннего неолита [29]. Тогда люди впервые начали поддерживать существование долговременных коллективов, состоящих из нескольких сотен, а в некоторых случаях и нескольких тысяч индивидов, которые активно вовлекались в местные, региональные и надрегиональные структуры распределения и обмена. Данные свидетельства на сегодняшний день хорошо фиксируются археологическим путем [14; 30]. Создание в раннеэнеолитическую эпоху разного рода взаимосвязанных символических систем отвечало потребности долговременного использования социальной и культурной памяти, скрепляющей социальную идентичность и регулируемость этих сообществ посредством коллективных действий, что наиболее выразительно проявлялось в ритуальной и обрядовой деятельности.

В настоящее время становится признанной точкой зрения о том, что среди важнейших материально фиксируемых достижений развития информационно-коммуникативных систем в истории человечества «революция символов» является первым из сыгравших ключевую роль этапом в эволюции человеческих сообществ. Далее этот ряд будет продолжен изобретением письма, печати и компьютерных технологий.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Cauvin J.* Naissance des divinités. Naissance de l'agriculture. La Révolution des symboles au Néolithique / J. Cauvin. – Paris, 1994.
2. *Cauvin J.* The birth of the gods and the origins of agriculture / J. Cauvin. – Cambridge, 2000.
3. *Массон В. М.* Зарождение земледелия и первые женские божества / В. М. Массон // Археологические вести. – 1995. – № 4. – С. 237–241.
4. *Özdoğan M.* Neolithic in Turkey. The Status of Research / M. Çzdoğan // Readings in Prehistory Studies Presented to Halet Çambel. – Istanbul, 1995. – P. 41–59.
5. *Корниенко Т. В.* Первые храмы Месопотамии / Т. В. Корниенко. – СПб., 2006.
6. *Özdoğan M.* Introduction / M. Çzdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm // The Neolithic in Turkey : New Excavations and New Research. Vol. 1. The Tigris Basin. Archaeology and Art Publication / eds. M. Çzdoğan, N. Başgelen, P. Kuniholm. – Istanbul, 2011. – P. VII–XII.
7. *Коробкова Г. Ф.* Орудия труда и начало земледелия на Ближнем Востоке / Г. Ф. Коробкова // Археологические вести. – 1994. – № 3. – С. 166–178.
8. *Savard M.* The role of wild grasses in subsistence and sedentism : new evidence from the northern Fertile Crescent / M. Savard, M. Nesbitt, M. K. Jones // World Archaeology. – 2006. – Vol. 38/2. – P. 179–196.

9. Riehl S. Plant use in three Pre-Pottery Neolithic sites of the Northern and Eastern Fertile Crescent : a preliminary report / S. Riehl [et al.] // *Vegetation History and Archaeobotany*. – 2012. – № 21 (2). – P. 95–106.
10. Корниенко Т. В. Моделирование черепов на территории Леванта в период докерамического неолита Б / Т. В. Корниенко // *Рос. археология*. – 2012. – № 4. – С. 80–89.
11. Wickede A. Prähistorische Stempelglyptik in Vorderasien / A. Wickede. – München, 1990.
12. Rosenberg M. Hallan Çemi / M. Rosenberg // *Neolithic in Turkey*. – Istanbul, 1999. – P. 25–33.
13. Schmandt-Besserat D. Before Writing. Forward by William W. Hallo. Vol. 1. From Counting to Cuneform. Vol. 2. A Catalogue of Near East Tokens / D. Schmandt-Besserat. – Austin, 1992.
14. Шмидт К. Они строили первые храмы. Таинственное святилище охотников каменного века. Археологические открытия в Гёбекли Тепе / К. Шмидт. – СПб., 2011.
15. Symbols at 'Ain Ghazal. Ain Ghazal Excavation Reports : Vol. 3 / ed. by D. Schmandt-Besserat. – Berlin, 2013.
16. Life in Neolithic Farming Communities : Social Organization, Identity, and Differentiation / ed. by I. Kuijt. – New York, 2000.
17. Verhoeven M. Ritual and Ideology in the Pre-Pottery Neolithic B of the Levant and Southeast Anatolia / M. Verhoeven // *Cambridge Archaeology Journal*. – 2002. – № 12. – P. 233–258.
18. Dialogue on the Early Neolithic Origin of Ritual Centers / ed. by G. O. Rollefson, H. G. K. Gebel // *Neo-Lithics*. – 2005. – № 2. – P. 3–53.
19. Kornienko T. V. Notes on the Cult Buildings of Northern Mesopotamia in the Aceramic Neolithic Period / T. V. Kornienko // *Journal of Near Eastern Studies*. – 2009. – Vol. 68, № 2. – P. 81–101.
20. Orrelle E. Material Images of Humans from the Natufian to Pottery Neolithic Periods in the Levant. Vol. I, II. A thesis of the University of East London for the degree of Doctor of Philosophy / E. Orrelle. – London, 2011.
21. Mithen S. The prehistory of the mind : a search for the origins of art, religion and science / S. Mithen. – London, 1996.
22. Бутовская М. Л. Этология человека : история возникновения и современные проблемы исследования / М. Л. Бутовская // *Этология человека на пороге XXI века*. – М., 1999. – С. 12–71.
23. Dunbar R. I. M. The human story : a new history of mankind's evolution / R. I. M. Dunbar. – London, 2004.
24. Mithen S. The singing Neanderthals : the origins of music, language, mind and body / S. Mithen. – London, 2005.
25. Donald M. A mind so rare : the evolution of human consciousness / M. Donald. – New York, 2001.
26. Pinker S. The language instinct / S. Pinker. – New York, 1994.
27. Бурлак С. Происхождение языка : факты, исследования, гипотезы / С. Бурлак. – М., 2012.
28. Dunbar R. I. M. The Social Brain : Mind, Language, and Society in Evolutionary Perspective / R. I. M. Dunbar // *Annual Review of Anthropology*. – 2003. – Vol. 32. – P. 163–181.
29. Watkins T. Neolithisation Needs Evolution, as Evolution Needs Neolithisation / T. Watkins // *Neo-Lithics*. – 2013. – № 2. – P. 5–10.
30. Supra-Regional Concepts II / ed. by G. O. Rollefson, H. G. K. Gebel // *Neo-Lithics*. – 2004. – № 1. – P. 21–52.

Воронежский государственный педагогический университет

Корниенко Т. В., кандидат исторических наук, доцент кафедры зарубежной истории

E-mail: zigzina@rambler.ru

Тел.: 8 (473) 272-73-65

Voronezh State Pedagogical University
Kornienko T. V., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the International History Department
E-mail: zigzina@rambler.ru
Tel.: 8 (473) 272-73-65